

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Бетонное
алиби

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л 47

Художественное оформление серии
В. Щербакова
Иллюстрация на обложке *И. Варавина*

Леонов, Николай Иванович.
Л 47 Бетонное алиби / Николай Леонов,
Алексей Макеев. — Москва : Эксмо,
2026. — 320 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-227255-4

На одном из крупных строительных объектов в Москве происходит обрушение опорных конструкций. Под развалинами находят погибшим главного инженера строительства Анатолия Корнеева. На первый взгляд, это несчастный случай. Однако полковники МВД Гуров и Крячко устанавливают, что смерть Корнеева наступила не в результате обрушения, а за несколько часов до аварии. А подстроенная катастрофы стала способом скрыть истинную причину его гибели. Сыщики пытаются выяснить, кому выгодна эта смерть. И вскоре сами становятся объектом покушения расчетливого злодея...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-227255-4

© Макеев А.В., 2026
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2026

ПРОЛОГ

Офисный комплекс «Сибирский квартал» в новом столичном районе Солнцево-парк замер в ночной тишине. За стеклопакетами панорамных окон простиралась неоновая паутина спящего мегаполиса, но здесь, на двадцать восьмом этаже, жизнь еще теплилась. Свет одной-единственной настольной лампы выхватывал из полумрака угловой кабинет с выцветшей табличкой «Главный инженер проекта».

Анатолий Иванович Корнеев, мужчина лет пятидесяти пяти с уставшим, испещренным морщинами лицом и сединой у висков, сидел за своим массивным дубовым столом, казавшимся островом порядка в хаосе развернутых чертежей и технической документации. Позади остался долгий, изматывающий день, наполненный предсдаточными проверками и нервными согласованиями. Федеральный технопарк «Енисей» — флагманский проект корпорации «СтальИнвестПроект» — был на финишной прямой. Сдача объекта намечалась через

три недели, и каждый час был на счету. Почти физически ощущаемое давление сроков висело в воздухе, густом от запаха свежей краски, дорогой древесины и пыли от архивных папок.

Он провел ладонью по лицу, смазывая усталость, впившуюся в кожу будто песок. Последним пунктом в его ежевечернем ритуале была рутинная, почти механическая сверка финальных товарных накладных от генподрядчика, ООО «СтройГарант», с актами выполненных работ. Бумаги лежали идеальными стопками, как солдаты на параде. Все было подписано, заверено, одобрено. Казалось, ничто не предвещало бури.

Его взгляд упал на небольшой, серый, ничем не примечательный бетонный куб, служивший ему пресс-папье. Технологический образец, взятый им тайком с последней поставки для негласного контроля. Сувенир для самого себя, молчаливый свидетель масштаба сделанного. Или, как выяснилось в этот роковой вечер, — масштаба предательства.

Пальцы привычно скользили по колонкам цифр в накладной № 387-К/2024, сверяя их с данными в электронной базе. Марка бетона М500-В40-W12-F300 (морозостойкость F300, водонепроницаемость W12), партия 1147, вес — 8,5 кубометра, время отгрузки — 14:30. Все совпадало до последней запятой. Но его внутренний компас, откалиброванный тридцатью года-

ми на стройках от Магадана до Калининграда, бешено вращался, указывая на ложный курс. Что-то било по нервам, тонкий, но неумолимый сигнал тревоги.

Он отложил распечатку и взял в руки бетонный куб. Включил мощную дизайнерскую лампу и поднес образец к свету. И вот оно. Он был слишком легким. Не критично, но для его руки, державшей тысячи таких образцов, разница была ощутима. А главное — структура. Пористость, видимая невооруженным глазом, мелкие, частые раковины, неровный излом. Это не соответствовало заявленной высокой марке прочности. Это был не М500. Это был его жалкий, хлипкий родственник, М200 в лучшем случае, годный разве что для садовых дорожек и временных построек, но никак не для несущих колонн федерального технопарка.

«Вот он, краеугольный камень всего проекта, — пронеслось в голове Корнеева холодной и тяжелой волной, смывающей все остальные мысли. — Буквально. Подменили. Не одну партию, не две. Они подменили весь объем, идущий на критичные узлы. Десятки тысяч кубов. Разница в цене — сотни миллионов... И я... я, Анатолий Корнеев, своей подписью это узаконил. Все акты приемки, все накладные — моя виза. Моя репутация, честь, вся моя жизнь, отданная стройке, — все это теперь залито этим суррогатом, этой пылящей мукой».

Он резко, почти с ненавистью отшвырнул куб от себя. Тот с глухим костяным стуком покатился по полированной поверхности стола, оставляя за собой мелкую белую пыль. Пыль обмана. Символ грядущего разрушения.

Адреналин, едкий и жгучий, ударил в виски, заставив кровь бежать быстрее, вытесняя усталость животным страхом. Мысли пронеслись вихрем. Нужно было действовать. Немедленно. Еще не все потеряно. Возможно, это чья-то локальная махинация. Возможно, все не так плохо. Потому что, если... Если все так, как он думает сейчас, дело пахнет тюрьмой. Или чем-то похуже.

Корнеев схватил свой личный, нигде не зарегистрированный телефон, его пальцы дрожали, сбиваясь с номера. Он набрал тот самый, «золотой» номер, который полагалось использовать только в случае апокалипсиса.

Гудки. Один. Два. Три. Казалось, прошла вечность.

— Алло? — Голос абонента был ровным, спокойным, слегка сонным. Он явно отвлекался от чего-то другого.

Инженер выдохнул, с трудом контролируя дрожь в голосе:

— Это Корнеев. Простите за беспокойство, но... это чрезвычайно срочно.

— Анатолий Иванович, — в голосе послышалась легкая раздраженная нотка, — я на семейном ужине. В чем вопрос? Говорите быстро.

— Вопрос в бетоне! — почти крикнул Корнеев, понижая голос уже постфактум. — Тот самый, из последних партий для силового каркаса «Енисея». Он не соответствует! Я проверил контрольный образец. Это не М500! Это катастрофа, вы понимаете? При первой же глубокой проверке, при любой независимой экспертизе все всплывет! Все наши акты...

— Анатолий Иванович, успокойтесь. — Голос бесстрастно, почти механически прервал его. Насмешка была физически ощутимой. — Все документы, как вы сами знаете, в идеальном порядке. Вы лично их проверяли и подписывали. Никакой катастрофы нет. Вам, вероятно, показалось. Вы очень перегружены, проект на финише. Возьмите выходной.

— Мне не показалось! — Корнеев вскочил с кресла, сжимая телефон так, что треснул корпус. — Я требую немедленно остановить приемку и инициировать внутреннюю проверку! Я не могу допустить, чтобы технопарк, в который вложены миллиарды, превратился в братскую могилу! Я...

— Анатолий Иванович... — Голос в трубке внезапно потерял и тень учтивости, став плоским и металлическим. — Вы ничего не будете требовать и ничего не будете инициировать. Займитесь своей прямой работой. Обеспечьте сдачу объекта в срок. Остальное... — собеседник сделал театральную паузу, — не ваша забота.

Раздались короткие, отрывистые гудки. Тишина в кабинете сгустилась, стала давящей, зловещей, наполненной незримой угрозой.

Паника, черная и липкая, сжимала горло, подступая к глазам. Он чувствовал себя загнанным зверем в клетке собственного кабинета. Мысли метались, пытаясь найти выход там, где его не было. Бежать? Куда? Звонить в полицию? И что сказать? «Меня хотят убить, потому что я соучастник в хищении средств на строительстве технопарка "Енисей"?» Его самого же первого и посадят.

Но многолетняя, вымуштрованная привычка к порядку и системности взяла верх над эмоциями. Инженерная логика диктовала свой алгоритм. Если придут — а они придут, он в этом не сомневался, — они попытаются уничтожить все улики, которые могут их изобличить. Значит, его задача — спасти хотя бы часть доказательств. Сделать так, чтобы правда не умерла вместе с ним.

Он рванулся к старому зеленому сейфу «Главснаба» образца 80-х, стоявшему в углу кабинета и считавшемуся анахронизмом. Быстро, на автомате, прокрутил код — дата рождения дочери. Дверь со скрипом открылась. Внутри, за пачками официальных бланков, лежали его черновые рабочие тетради, флешка с резервными копиями всех рабочих файлов за последний год и... тот самый, самый первый акт приемки № 001, где он карандашом, на полях, мелким

почерком написал: «Прочность образца вызывает вопросы. Требуется повторная проверка в лаборатории». Но потом был звонок высокого начальства, намеки на «недоверие», «срыв сроков» и «последствия». И он, сжав зубы, поставил свою размашистую подпись. Улика его собственной слабости, его морального падения.

«Флешка — первое дело. Ее они изымут и уничтожат, если найдут. Но автономные копии... копии есть в зашифрованном облаке, доступ к которому привязан к моему личному, никому не известному почтовому ящику. Пароль... нужно его сменить, усложнить. Надо прятать то, что не в Сети. Образец бетона. Черновики. Положить в коробку со старыми журналами и сувенирами — они не станут туда лезть. Надо замести следы. Чтобы потом кто-то нашел. Кто-то, кто не побоится копнуть».

Он наклонился и вытащил из-под стола картонную коробку из-под офисной бумаги, на дне которой лежали старый инженерный калькулятор, пара зачитанных технических справочников и подаренная дочерью дорогая перьевая ручка, которой он так и не решился пользоваться. Сверху, под смятыми листами старой газеты «Строительный вестник», он бросил злосчастный бетонный куб и папку с самыми важными черновиками. Он действовал быстро, почти не глядя, на ощупь, всем существом прислушиваясь к тишине за тяжелой дубовой дверью.

Именно в этот момент, когда он пытался задвинуть коробку поглубже под стол ногой, он их услышал. Шаги. Не случайные, не блуждающие. Быстрые, уверенные, отмеряющие четкий, неумолимый ритм по пустому, заглушенному ковровым покрытием коридору. Не ночная уборка с грохочущей тележкой, не дежурный инженер с потухшим взглядом. Эти шаги знали, куда идут. Они не сбивались с пути, не замедлялись у других дверей. Они направлялись прямо к его кабинету. Прямо к нему.

Ледяная волна страха, настоящая, физиологическая, прокатилась по всему телу, сковывая мышцы. Сердце заколотилось где-то в основании горла, выстукивая сумасшедшую, аритмичную дробь. Ладони мгновенно стали влажными и холодными, как у покойника. Он инстинктивно отпрянул от коробки, отшвырнув ее окончательно в темноту под столом, и выпрямился, пытаясь сделать вид, что просто работает. Времени на баррикады, на отчаянное сопротивление не было. Совсем.

Уже здесь. Так быстро... Значит, приказ был отдан сразу после его звонка.

Он сделал последний рывок — не к двери, а к столу, пытаясь придать лицу хоть какое-то подобие спокойствия, прикрыть ладонью предательски вздымающуюся грудь. Он стоял, опершись о столешницу, пытаясь хоть как-то обрести опору в этом рушащемся мире, и смо-

трел на матовую хромированную дверную ручку. Она плавно, без единого звука, без предупреждающего щелчка повернулась.

Дверь бесшумно открылась. Он увидел ночного визитера. Но не увидел самого удара. Лишь короткое, стремительное движение тени, мелькнувшее в периферийном зрении. Острая, ослепляющая до тошноты боль в затылке поглотила все: и мысли, и страх, и саму темноту, наступившую вслед за ней. Он не услышал глухого стука своего тела о ковер.

Тишина.

Она была абсолютной, завершенной, как в саркофаге. Лишь слабая, затухающая вибрация от шагов удаляющегося убийцы, волочащего труп, на мгновение нарушила ее, чтобы затем снова воцариться в кабинете, где на столе под светом лампы лежали безупречно подписанные акты, а под столом, в пыльной картонной коробке, ждал своего часа кусок бетона и спрятанные документы.

ГЛАВА 1

— Входите, не стойте в дверях, как гости незваные.

Голос генерала Орлова, низкий, слегка хрипловатый от утреннего кофе и двух пачек «Беломора» в молодости, донесся из-за массивного дубового стола еще до того, как Гуров и Крячко полностью перешагнули порог кабинета. Помещение на седьмом этаже главного здания уголовного розыска пахло, как всегда, старой кожей, пылью архивных папок и скрытым напряжением. Полковник Лев Иванович Гуров отметил это привычным внутренним кивком — вот запах его профессиональной жизни. Он вошел первым, его высокий, слегка сутулый силуэт в практичном темно-сером костюме отбрасывал четкую тень на полированный паркет. За ним, на полшага сзади, двигался Станислав Крячко — компактный, плотный, с быстрыми, оценивающими глазами, которые уже сканировали комнату, ища подсказки в обстановке.

Генерал Петр Николаевич Орлов не поднял головы, изучая развернутый перед ним лист. Его седая, коротко стриженная голова была резко освещена настольной лампой с зеленым абажуром, реликтом семидесятых. Свет выхватывал жесткие складки у рта и глубокую вертикальную морщину между бровей — морщину постоянной ответственности. Гуров, стоя по стойке смирно, ловил знакомые ноты в его интонации: привычную педантичность, тщательное взвешивание каждого слова, но под ней — тонкую, едва уловимую струну тревоги. Не страха, нет. Орлов не боялся. Но тревоги человека, который видит минное поле и обязан отправить на него своих саперов. Это было «дело с подтекстом», «заказ сверху». И эта мысль, молнией проскочившая в сознании Гурова, вызвала у него сдержанное, почти незаметное раздражение — холодный комок где-то под ребрами. Еще одна битва, где правда будет не целью, а разменной монетой в чьей-то большой игре. Его пальцы, спрятанные в карманах брюк, непроизвольно сжались.

— Садитесь, — наконец поднял глаза Орлов, откинувшись в кресле. Его взгляд, серый и пронизательный, как сканер, перешел с Гурова на Крячко и обратно. — Кофе будете?

— Мы уже, Петр Николаевич, — отозвался Крячко, с легкостью опускаясь в кожаное кресло. — У Верочки взяли. Она, как всегда, ангел во плоти.

— Ангел, — фыркнул Орлов без тени улыбки. — Ладно. Время — деньги, которых у нас, как обычно, нет. Дело. Москва, новый район Солнцево-парк, строящийся федеральный технопарк «Енисей». Корпорация «СтальИнвестПроект», генподрядчик — ООО «СтройГарант». Позавчера, в двадцать три ноль-ноль, произошло частичное обрушение конструкции на этапе финишной отделки. Панель перекрытия между третьим и четвертым этажом в блоке «А». Площадь примерно двести квадратов. Жертв, по первым сообщениям, нет.

Он сделал паузу, давая информации осесть.

Гуров молчал, его мозг уже работал, отсекая лишнее: строительная авария, резонансная, но не их профиль до тех пор, пока...

— Вчера утром, в процессе разбора завалов силами МЧС, — продолжил Орлов, и его голос стал чуть тише, чуть ровнее, что всегда было плохим знаком, — обнаружено тело. Мужчина. Предварительная идентификация — Анатолий Иванович Корнеев, пятьдесят пять лет, главный инженер проекта «Енисей» со стороны «СтальИнвестПроекта». Тело находилось в эпицентре обрушения, практически под плитой.

Крячко свистнул почти неслышно.

— И что, Петр Николаевич, он туда сам лег вздремнуть в неудачный момент? Или это новый метод контроля качества — проверять прочность головой?

— Станислав, — тихо сказал Гуров, не отводя взгляда от Орлова.

В его голосе прозвучало не столько одергивание, сколько констатация факта: сейчас не время для шуток.

Орлов кивнул, благодарный за эту смену тона.

— Местное управление Следкома оформило все как несчастный случай на производстве. Тело направлено в Бюро судебно-медицинской экспертизы. Заключение пришло сегодня на рассвете. Смерть наступила в результате черепно-мозговой травмы, вызванной ударом тупым тяжелым предметом по затылочной области. Время смерти — за двенадцать-четырнадцать часов ДО обрушения конструкции.

Тишина в кабинете стала густой, физически ощутимой. Гуров почувствовал, как холодное раздражение под ребрами кристаллизовалось во что-то другое — острое, цепкое, знакомое щемящее чувство начала охоты. Это был не инцидент. Это был спектакль. И они только что получили билет в первый ряд.

— Значит, акт следкома о несчастном случае составлен ДО получения заключения судебно-медицинской экспертизы? — уточнил он, и его голос стал суше, острее.

— Составлен вчера вечером, сразу после завершения осмотра места происшествия. Экспертизу я запросил по своей линии, парал-

лельно. Поэтому они и получили ее только на рассвете, — ответил Орлов, его пальцы постукивали по папке. — А теперь слушайте внимательно. Дело, со всеми вытекающими, включая этот вопиющий процессуальный прокол, передается к нам в главк. Расследовать будете вы. Ты и Станислав.

Он потянулся к папке и извлек два листа с гербовой печатью.

— Официальное поручение. Провести проверку по факту обнаружения тела с признаками насильственной смерти на территории строящегося объекта федерального значения. Согласовано на самом верху. Но, — он снова сделал ту многозначительную паузу, — есть нюанс. Со стороны корпорации и подрядчика уже поступили... запросы. Очень настойчивые. О необходимости минимизировать репутационные потери, не допустить паники среди инвесторов и, что важнее, не сорвать сроки сдачи объекта. Технопарк «Енисей» — проект с приставкой «национальный». За ним следят. Очень внимательно.

— То есть нам говорят: нашли убитого — хорошо, работайте, но аккуратно, чтобы никого не задеть, — перевел Крячко, и в его голосе зазвучала привычная циничная нота.

— Не говорят. Намекают. Очень прозрачно, — поправил Орлов.

Он посмотрел прямо на Гурова.

— Лев, я знаю твои принципы. Но здесь... давление будет колоссальным. Административный ресурс у них — на уровне министерств. Любое твоё движение, любой запрос попытаются затормозить, замучить согласованиями, потерять. Ты должен быть не просто точен. Ты должен быть безупречен. Каждый твой шаг — с опорой на железобетонные факты и пункты уголовно-процессуального кодекса. Понятно?

Гуров медленно кивнул. Внутренний монолог уже набирал обороты, но внешне он оставался спокоен, как поверхность глубокого озера. Безупречен. Железобетонные факты. Ирония в том, что, судя по всему, сам бетон там как раз и не железный. «Они хотят, чтобы мы работали по их алгоритму: шумиха — формальное расследование — вывод о несчастном случае с элементами халатности — наказание стрелочника. А я смотрю на эти цифры: смерть за полсуток до падения плиты. И вижу не алгоритм, а режиссуру. Тщательную, циничную, дорогую. Кто-то посчитал, что проще устроить маленький апокалипсис, чем убирать одного инженера тихо. Значит, инженер был не простой. Значит, то, что он знал, стоило дороже, чем ремонт двухсот квадратных перекрытия».

— Понятно, Петр Николаевич, — сказал он вслух, принимая папку. — Первичный рапорт от Следкома есть?

— Есть. Поверхностный, как лужа. Осмотр места происшествия провели вчера вечером, уже после извлечения тела и основной части завалов. Акцент на технической причине аварии. Фотофиксация скудная. — Орлов протянул еще одну тонкую папку. — Все, что у них есть. Ваш выход.

Служебный полностью затонированный микроавтобус «Форд Транзит» мягко катил по еще не до конца обжитым проспектам Солнцево-парка. За стеклами мелькали зеркальные фасады новостроек, стерильные газоны и пустые детские площадки — декорации к жизни, которую только предстояло заселить. Крячко, уткнувшись в планшет, бормотал что-то под нос, выуживая первые крохи информации об ООО «СтройГарант». Гуров молча смотрел в окно, но его мысли были уже там, на месте. Он чувствовал знакомое предвкушение, смешанное с горечью. Еще одна смерть, которую пытались спрятать за фасадом бюрократии и бетона.

Объект «Енисей» оказался громадным, футуристическим комплексом из стекла и стали, напоминавшим гигантский кристалл, вросший в землю. Но на его теле зияла черная, безобразная рана. Один из корпусов, ближе к тыльной стороне, был частично скрыт строительными лесами и брезентом, но даже с расстояния была видна зияющая дыра в этажах, как